

Вех. Москва, 1999, 3 нояб. — с. 5 Я — не звезда

Иван ШАБАЛТАС: Помню, сидел на полу в коридоре коммуналки и ждал звонка Эфроса

Жизнь актера Театра на Малой Бронной Ивана Шабалтаса определил Всесильный Господин Случай. Деревенский паренек из Черкасской Лозовой, что под Харьковом, хотел стать летчиком. Приехал в Кременчуг в летное училище и...

«А самое главное для меня — мои дети». С сыном Мишей и дочерью Аней

Анна КУЗНЕЦОВА

— По здоровью комиссовали. Это был облом, трагедия, крушение всех надежд... Когда нес документы в университет на физфак, если уж не летать, так хоть смотреть на звезды, встретил знакомого: зачем тебе в университет? Иди к нам в театральный! Подумал: а что, может, действительно я смогу сыграть летчика? Кстати, недавно, когда Евгений Матвеев предложил в своем фильме «Любить по-русски» на выбор две роли, попа в нескольких сериях или летчика, но в одной, мой ответ было нетрудно предугадать.

Словом, поступил в театральный. Я ведь не мог вернуться в деревню с поражением. Это был вопрос чести. Родная деревня, где до сих пор живут родители, и сегодня живет по своим правилам. Папа с мамой, крестьяне, в

церковь не ходили, но всегда неукоснительно жили по Христовым заповедям: не укради, не солги... Москва в этом смысле была и остается для меня серьезным испытанием. Здесь и там совсем разные представления о нравственности. Сосед мне сказал однажды: «Ты бы у нас був трактористом и героем соцтруда, а там — в артисты подался»... Я уже четверть века живу в столице, снялся в тридцати фильмах, сыграл полсотни театральных ролей, но до сих пор... немножко чужой.

— Судя по вашим последним сценическим работам — порочный Кокто в «Нижинском», сломанный до безумия герой драмы Ануя «Путешествие без багажа», ищущий забвения в бутылке Луи из «Пианино в траве», кажется, что вы немало знаете о человеческих страстях, дьявольских омутках души, низменных желаниях.

— Я актер и мужчина. У меня все было, через все прошел. Наигравшись, нагулявшись, я и в личной жизни, как в творчестве, максималист. Мне хочется идеальной семьи, идеального способа существования. Я требователен не потому, что эгоистичен, а потому, что идеалистичен. Мы вот с женой Еленой Федоровой играем вместе в «Пианино в траве», по сюжету я люблю Мод, а она думает о Жан Лу, так я же к актеру Ершову ревную... Всегда обязательно собственную историю играешь. Любовь — это тоже работа. Многие не подозревают об этом. А я знаю. Семья — не просто взаимные обязательства, но и постоянные доказательства, преодоления. А самое главное для меня — мои дети. Когда восьмилетний Миша с ошибками, фальшивя, играет на пианино Гайдна, я плачу. Спорю со старшей дочкой Аней, студенткой ГИТИСа, будущим театроведом, о гиперреализме — упиваюсь.

— А поклонники у вас есть? Я смотрю, весь дом у вас в цветах.

— Сейчас — меньше. Да и они другие стали. Недавно выхожу из дома, машина у подъезда вымыта, на капоте цветы и отскерокопированные мои фотографии... Вот стеклянные двери в прихожую разбиты, пришлось фанерой закрывать, тоже работа одной одухотворенной барышни...

— Слышу ноту недовольства собой и жизнью. Я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. И дело здесь не в житейском благополучии. Машина, дача, квартира — все это у меня есть. И по сравнению с моей прошлой жизнью: однажды девять месяцев жил на вокзалах, а по утрам приходил к Эфросу на репетицию «Трех сестер» — у меня все в порядке. Мог ли деревенский мальчишка когда-то мечтать о том, что я сейчас имею! Но ведь все относительно. Конечно, у миллионера де Ниро денег больше, чем у меня, он не получает, как я, унижительные тридцать рублей в день за все мои главные роли, но зато у Льва Толстого в отличие от него в подлиннике читаю. Пушкин ни разу за границей не был, а я — в двадцати пяти странах... И сотового телефона у него не было. У меня, правда, тоже нет. Еще недавно у моего отца был

«Играть с Ольгой Яковлевой — это и было счастье»

один патефон на деревню. Мне — 45. Экватор пройден. Жизнь не безразмерная. Я не звезда. Скорее, метеорит, вошел в плотные слои атмосферы и сгорел... Знания печалат.

— Я помню, как вы впервые появились на сцене «Малой Бронной» в эфросовском спектакле по пьесе Алексея Арбузова «Воспоминание» в роли юного Дениса, влюбленного в героиню Ольги Яковлевой.

— Это и было счастье. Такой партнерши у меня больше никогда не было. Миллион вольт темперамента! Я играл в «Воспоминании» юношу из интеллигентной семьи. Если и мог догадаться о нежности, то как сыграть интеллигентность? Рядом дворяне — Эфрос, Козаков, Яковлева, Дуров, Волков... А я — дворняжка! Так я себя ощущал. У меня есть свои собственные девятносто страниц записей эфросовских репетиций «Трех сестер», но я не хочу их публиковать, это — только мое, сокровенное. И то, что Эфрос предложил мне тогда сыграть не Федотика, не Родэ — вертеть волчок, а Андрея Prozорова, — был невиданный подарок судьбы, божья милость.

Я ведь и до Эфроса работал, в Ермоловском театре, сыграл там за два года восемнадцать ролей, не был обижен. Но не люблю про это вспоминать. Зато тот вечер, когда мы встретились на Центральном телевидении и Эфрос сказал: «Ждите, вам позвонят», — я запомнил на всю жизнь. Это был самый счастливый вечер в моей жизни: я си-

дел на полу в коридоре коммуналки, запасшись двумя пачками «Беломора» и «Дуката», и ждал звонка, отойти боялся от аппарата. Звонили подряд Эфрос, директор театра Коган, Арбузов, последний — снова Эфрос: «Завтра в 11 приходите на репетицию».

Я играл у него в пяти спектаклях. После ухода Дали в его штанах и костюме Беляева — в «Месяце в деревне». Как это у забытого нынче пролетарского классика: «Я видел небо. Я знаю счастье!». А разве можно было забыть его спутанные волосы, красные от усталости глаза, красивое еврейское лицо!

— Да не был он красивым.

— Был красивым. А его репетиции! Помню, однажды у Ольги Михайловны никак не получалась фраза «Я люблю, люблю, люблю Вершинуна...». Она почему-то забралась на сцену под пианино, хотя такой мизансцены не было, капризничала, дерзила мастеру. И вдруг он ей: «Вас клюнула птица и улетела, потом сделала круг и снова клюнула в то же место, в самое сердце, потом еще раз клюнула в разорванную рану, и вы, превозмогая боль, выдыхаете: «Я люблю, люблю, люблю Вершинуна!». Он иногда гениально сам показывал... Мне порой кажется, нет, не кажется, а так было на самом деле, что мне слишком рано все это досталось, что не мог тогда оправдать его ожиданий. Вот сейчас бы мне с ним встретиться!

3. 11. 99.

Шабалта Иван